

ПАНСЛАВИСТСКИЕ ИДЕИ А.С. БУДИЛОВИЧА

Аннотация

В статье предпринята попытка рассмотреть общественно-политическую и педагогическую деятельность известного слависта Антона Семёновича Будиловича (1846–1908) через призму его панславистских взглядов. В актуальных исследованиях, посвященных творчеству А.С. Будиловича, наблюдается две тенденции — творческое наследие и общественная деятельность известного слависта осмысливается либо в контексте «славянофильства», либо через призму «русификаторской» политики, проводником которой, по мнению исследователей, был Будилович. В данной же статье идеи Будиловича комплексно рассматриваются исходя из его «панславистских» убеждений, что помогает снять противоречия в осмыслении взглядов русского слависта.

Ключевые слова: А.С. Будилович, панславизм, славянофильство, В.И. Ламанский.

Автор

Болдин Владимир Алексеевич

Аспирант кафедры истории
социально-политических учений
факультета политологии
МГУ имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Антон Семёнович Будилович — ученый, общественный деятель и педагог

Антон Семёнович Будилович родился в западнобелорусском селе Комотово Гродненского уезда в семье униатского священнослужителя, перешедшего в православие. По замечанию Е.Ф. Карского, близко знавшего Будиловича, уже с детства в родном селе будущий ученый «был поставлен на рубеже народностей», где его окружали поляки, литовцы, малороссы, евреи¹.

Интересен тот факт, что в годы польского восстания 1863–1864 гг. восставшие прислали отцу Будиловича уведомление, что он «как слишком русский присужден к смертной казни» [10. — С. 104], о чем пишет товарищ

¹ «Впечатлительному и наблюдательному лицу сразу бросалось в глаза различие языков, религий, нравов и обычаев, что со временем немало способствовало пониманию взаимных отношений этих племен, а также других славянских и неславянских народностей, находящихся в сходных отношениях», — пишет Карский [8. — С.151].

Будиловича славист П.А. Кулаковский. С учетом известных случаев казни православных священников в годы восстания, подобные угрозы не казались чем-то фантастическим². Наверняка данный факт биографии сказался на формировании личности будущего слависта. После восстания семья меняет фамилию со звучащей по-польски «Будзиллович», на более русифицированный вариант — «Будилович».

² Как отмечает известный отечественный славяновед Л.П. Лаптева: «Православные жители страдали от религиозного фанатизма поляков, вынуждены были терпеть унижения и высокомерное отношение, а также и страх перед кровавыми ужасами состоявшегося в эти годы польского восстания, что накладывало отпечаток на характер украинского и русского населения этих областей. Не случайно многие наиболее непримиримые в отношении поляков русские деятели, такие как А.С. Будилович, О.А. Коялович, П.А. Кулаковский и ряд других, были уроженцами именно западных губерний тогдашней России; неприязненные воспоминания детства и юности способствовали выработке у этих людей определенных, подчас крайне негативных взглядов на поляков» [11. — С. 728].

Антон Семёнович Будилович (1846–1908)

Тем не менее, проявляя недюжинную тягу к знаниям и способности к языкам, уже в 1863 г. Будилович экстерном сдал выпускной гимназический экзамен в Вильне и поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Этот период — важнейший в становлении взглядов и личности Будиловича, ведь именно в Санкт-Петербургском университете будущий славист обучался под руководством таких известных профессоров, «основателей и учителей славяноведения в российских университетах», как И.И. Срезневский, М.И. Сухомлинов и, конечно же, В.И. Ламанский [10. — С. 100]. Именно академик Ламанского до конца своей жизни Будилович считал своим главным учителем в славистике, посвятив ему свое выпускное сочинение «О литературной деятельности Ломоносова» (1867 г.), за которое был удостоен золотой медали и степени кандидата наук. Кроме того, Будилович полностью перенял и панславистскую концепцию Ламанского¹,

¹ О панславистских взглядах В.И. Ламанского см.: [22. — С. 94–119; 20. — С. 315–316 [14. — С. 70–82; 15. — С. 117–127].

что коренным образом отразилось на его собственных политических взглядах.

В 1875–1881 гг. Будилович занял должность ординарного профессора Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине. В 1878 г. в Санкт-Петербургском университете защитил докторскую диссертацию «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях», получив степень доктора славянской филологии. Особенно известна деятельность Будиловича в качестве профессора кафедры русского и церковнославянского языков Варшавского Императорского университета (1881–1892 гг.) и ректора и профессора кафедры сравнительной грамматики славянских наречий Императорского Юрьевского университета (1892–1901 гг.). Именно с ней связано наибольшее количество споров о «русификаторских» шагах Будиловича.

Построив блестящую академическую карьеру, Будилович в то же время был выдающимся публицистом и общественным деятелем своего времени, активно принимал участие в деятельности Санкт-Петербургского Славянского общества, Русского окраинного общества, Прибалтийского православного братства, различных зарубежных славянских обществ. Скоропостижная кончина Будиловича в 1908 г. прервала творческий путь этого самобытного ученого и мыслителя, тем не менее вклад, внесенный им в развитие не только отечественной славистики, но и филологии, истории, журналистики, остается поистине неопределимым².

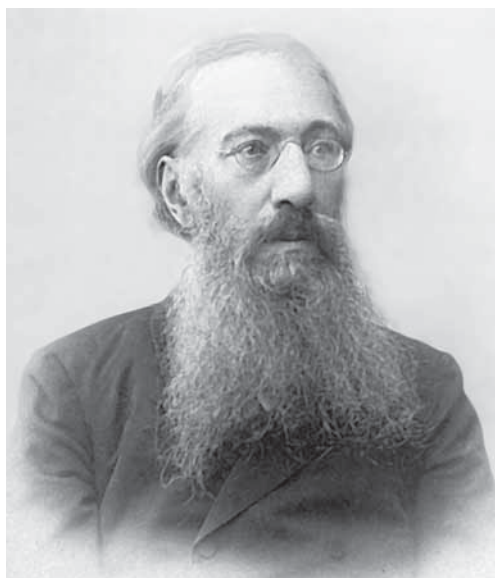
В современных исследованиях, посвященных политическому творчеству известного отечественного слависта, общественного деятеля и активного участника славянского движения А.С. Будиловича, все чаще прослеживаются две основные тенденции

² Подробную биографию А.С. Будиловича см.: [9. — С. 5–27].

освещения его работ. Первая группа исследований в основном посвящена «славянофильским» взглядам Будиловича, причем большинство авторов почему-то видят в славянофильстве сугубо «консервативные» начала, что влияет и на интерпретацию взглядов Будиловича. В этих работах Будилович предстает как убежденный консерватор, «славянофил» и националист [7. — С. 71–73; 18. — С. 106].

Вторая группа работ сосредоточена на исследованиях общественно-политической и преподавательской деятельности Будиловича в Варшавском и Юрьевском университетах, а также работе членом Совета министра народного просвещения и председателем Особого совещания по вопросам об образовании инородцев. В данных исследованиях особо подчеркивается последовательная русификаторская политика Будиловича на занимаемых им административных и академических постах [18. — С. 65–87; 12. — С. 90–93; 13. — С. 90–97].

Однако представляется не совсем уместным рассматривать взгляды Будиловича лишь в свете одной из упомянутых тенденций. Не отрицая тот факт, что на него огромное влияние оказала славянофильская концепция, а также то, что по своим политическим убеждениям Антон Семёнович был убежденным монархистом, комплексное рассмотрение его взглядов следует осуществлять только через призму его панславистских убеждений, усвоенных им от своего учителя, академика Владимира Ивановича Ламанского (1833–1914). Проследив эту логическую взаимосвязь, легко можно вычлениить и объяснить причины как политических высказываний Будиловича, так и его реальных политических шагов на занимаемых им административных должностях. Свою деятельность Будилович считал отнюдь не «русификаторской», а логичным развертыванием и продолжением в реальной политике своей панславистской программы.

Владимир Иванович Ламанский
(1833–1914)

Сформировать представление о панславистской программе Будиловича, предопределившей его политическую и административную деятельность, поможет политико-текстологический анализ работ Будиловича «Пангерманизм и панславизм» (1870), «Несколько замечаний о польском вопросе с точки зрения всеславянства» (1871) и лекции «Культурная отдельность народов греко-славянского мира», прочитанной им в Юрьевском университете (1891).

Пангерманизм и панславизм — два великих знамени эпохи

Статья «Пангерманизм и панславизм» впервые анонимно была опубликована в 1870 г. в журнале «Биржевые ведомости», в самый разгар франко-прусской войны (1870–1871), став реакцией на возрастающие тенденции пангерманизма и выход на мировую арену новой великой силы — объединенного немецкого государства. Уже в самом начале статьи Будилович высказывает одну из важнейших мыслей — события последнего времени неоспоримо доказали, что «центральной осью политических движений XIX века»,

«главным двигателем политических событий века» стало «начало народностей» [5. — С. 130]. Столкновение Востока и Запада, борьба католицизма с православием, реформация — все это лишь проявление соперничества рас и племен в их борьбе за существование.

Другая важная мысль Будиловича связана со значением, которое ученый отводит образованию и литературе в деле формирования национального самосознания: «...с успехами народного образования, с развитием общественного смысла в народах стало вырабатываться сознание, что им одним принадлежит право устраивать свое политическое положение, точно так, как и отношения социальные и экономические» [5. — С. 132].

В данной цитате хорошо видна преемственность Будиловича принципам культурного панславизма своего учителя Ламанского. Как отмечает А.А. Ширинянц: «"Культурный панславизм" развивал идеи о полезности для всех славян введения в их письменность славянской азбуки (кириллицы), о необходимости принятия всеми славянами единого литературного языка, которым должен был бы стать русский язык» [23. — С. 60–81; 24. — С. 75]. Исходя из принципов культурного панславизма, процесс формирования национального самосознания, а затем и общеславянской идентичности неминуемо связан с распространением всеобщего образования в среде славянских народов, и, прежде всего, все более широкого внедрения преподавания в школах и высших учебных заведениях на родных языках.

Будилович не обходит стороной и другой важный фактор, повлиявший на возрастание национального самосознания в странах Европы, — Французскую революцию. «Французская революция и наполеоновские войны имели в этом отношении влияние столь же решительное на новую Европу, как крестовые походы на среднюю. Самыми ранними произведениями этого движения

были освобождение Сербии и Греции от Турции и Голландии от Австрии», — пишет он [5. — С. 131]. Данный тезис подтверждается и современными исследованиями, посвященными генезису панславизма [25. — С. 13; 16. — С. 100–101; 2. — С. 256–263; 26. — Р. 5].

Тем не менее, по Будиловичу, все процессы национального возрождения в странах Европы должны померкнуть перед лицом двух «великих знамен» — пангерманизма и панславизма. Будилович отмечает, что рождение этих идеологий приходится на один и тот же период — время правления Иосифа II (1765–1790), эрцгерцога Австрийского и Императора Священной Римской империи. Именно его политика, направленная на насильственную германизацию славянских земель Австрии, вызвала ответную реакцию славян. В дальнейшем тенденции германизаторства лишь усиливались, подгоняемые литературной пропагандой пангерманизма.

Во все возрастающем влиянии идей пангерманизма Будилович видит угрозу для славян и России, ведь «трудно кому-нибудь поручиться, что та же армия, которая чрез два года после Копенгагена побывала близ Вены, а чрез четыре года после Вены очутилась под Парижем, что та же самая миллионная армия чрез несколько лет вдруг не очутится под Петербургом и Москвою» [5. — С. 133]. По этой причине Будилович предостерегает от слепой самоуверенности, «которая на наших глазах погубила императорскую Францию» и грозит стать зловещим уроком и для славянского племени [5. — С. 133–134].

В то же время Будилович предлагает русской общественности обратить внимание и на то, за счет чего Пруссия добилась столь значительных успехов. Лишь объявив себя центром новой политической организации, подняв знамя пангерманизма, Пруссия смогла удвоить свои силы и занять преобладающее положение в Средней и Западной Европе: «Урок этот лишь тогда не пропадет для России даром, она тогда лишь

станет на высоте предназначенного ей исторического призвания, когда она возьмет в свои руки знамя славянства, подобно тому, как Пруссия подняла знамя германизма» [5. — С. 134–135].

Будилович пытается донести до читателя главную мысль — «нет ничего легче, как образовать против России европейскую коалицию, коль скоро есть шансы хоть некоторого успеха» [5. — С. 135]. У России нет других союзников, кроме братских славянских народов, которые не только в силу языкового и культурного родства, но и в силу исторической необходимости заинтересованы в ней. Возрастающее давление со стороны германизма все более убеждает западных славян в том, что вопрос существования для них — быть с Россией или исчезнуть.

Будущую политическую форму устроительства славянских земель Будилович обозначает очень аморфно, указывая лишь на то, что носить она должна федеративный характер. «Федеративное славянство в 100 миллионов человек могло бы тогда спокойно и доверчиво смотреть на существование рядом с ним той самой 50-миллионной державы, которая в настоящее время внушает ему справедливые опасения. Господство в Восточной Европе свежего и сильного, но миролюбивого и добродушного народа было бы залогом многих веков мирного преуспеяния наук и искусств, промыслов и торговли», — завершает свою статью Будилович [5. — С. 136].

«Польский вопрос» в творчестве А.С. Будиловича

В 1871 г. в журнале «Беседа» Будилович публикует статью «Несколько замечаний о польском вопросе с точки зрения всеславянства», в которой представляет свое видение «польского вопроса». Опуская подробный анализ первой части статьи, где Будилович подвергает критическому рассмотрению историю польского государства,

указывая на «исторические ошибки», которые привели его к краху, остановимся на заключительной части работы, важной для понимания концепции Будиловича и его отношения к русификаторству. Автор видит три сценария решения польского вопроса: *обрусение, онемечивание или сохранение собственной народности*. Для Будиловича неприемлемыми являются и первый, и второй варианты. И если с онемечиванием Польши вопросов не возникает, то почему же «ярый русификатор» и «националист» Будилович выступает против обрусения?

Натурализовать Польшу значило бы ее колонизировать, а это невозможно. Существует два способа колонизации — государственный и народный. «Проводниками и органами первого считаются: управление, законы, школы, официальный язык и т.п. внешние правительственные средства. Способами же взаимодействия собственно народного или общественного служат: науки и искусства, религия, связи торговые и промышленные, но преимущественно — народная колонизация» [4. — С. 40]. Государственный путь, всегда сочетающийся с насилием, никогда не давал никаких существенных результатов, о чем красноречиво свидетельствует история. «Разве германская Австрия онемечила мадьяр, румын и славян? Государственная сила османов отуречила ли греков и албанцев, арабов и славян? Англия разве переделала индусов в джон-булей?» [4. — С. 41]. Кроме того, возможно колонизировать лишь народ, изначально находящийся на более низкой стадии своего духовного и культурного развития, как это было с покоренными народами Сибири. Польша же представляет собой совершенно иной случай. Распространение мер государственной колонизации здесь невозможно, во-первых, в силу разделенности народа, так как четыре миллиона поляков живут за пределами российского государства. Во-вторых, колонизация Польши путем переселения

Будилович и Добрянский

туда русского элемента также не выполняема. Миграционные потоки всегда идут «из стран более населенных в менее населенные» [4. — С. 42], поэтому говорить о колонизации Польши также смешно, как говорить о том, что «Швеция может колонизовать Англию» [4. — С. 42]. В-третьих, любые призывы к насильственной колонизации края, по мнению Будиловича, идут от тех, кто желает отдать Польшу немцам. «Лучше даже потерять Польшу, чем насильственно ее обрусить», — заявляет он. Применение силы приведет лишь к тому, что Россия оттолкнет от себя другие славянские народы, чем приготовит «великое торжество для немцев, которые не замедлят эксплуатировать в свою пользу негодование на Россию славянских народов» [4. — С. 42].

Поэтому, заключает Будилович, «в интересах не только славянства, но и человечества нужно желать совершения третьей из вышеозначенных возможностей, именно — сохранения

польским народом своей исторической личности» [4. — С. 45].

Предоставление независимости Польше Будилович считает невозможным. Этому мешает два фактора: внешний и внутренний. Внешний выражается в угрозе пангерманизма, молодое Польское государство было бы не в силах противодействовать натиску с Запада. Внутренняя же причина заключается в том, что «великий социальный переворот, начатый реформами Милютин¹, еще не завершился; крестьянский вопрос не вполне разрешен; шляхетство не вполне еще забыло старые свои поползновения; новая народная интеллигенция не успела еще образоваться» [4. — С. 47].

Но, «когда внутренняя общественная сила Польши обносится и созреет, когда нависшая над ней с запада туча так или иначе разразится, когда мечта о политическом панславизме в той или другой форме совершится, тогда, нам кажется, и Польша найдет себе почетное место и независимое положение в конфедерированном славянстве. Она встанет в такие же отношения к целому, как Чехия, Сербия, Болгария и всякий другой член федерации. Трудно предвидеть время и образ его совершения; но можно предсказать, что Россия будет более международным его представителем, чем гражданским управителем», — подытоживает Будилович [4. — С. 47].

Педагогическая деятельность А.С. Будиловича и ее значение в реализации панславистской программы

Реализовать свою концепцию на практике Будиловичу представился шанс в годы работы в Варшавском и, особенно, в Юрьевском университете.

¹ Николай Алексеевич Милютин (1818–1872) — российский государственный деятель, статс-секретарь по делам Польши (1864–1867), один из руководителей крестьянской реформы в Польше.

Юрьевский университет

Назначение в Юрьевский университет Будилович воспринимал как выполнение важной задачи на государственном посту. В своей публичной лекции «Культурная отдельность народов греко-славянского мира», прочитанной 9 декабря 1891 г. в актовом зале Императорского Юрьевского университета и затем опубликованной в журнале «Русское обозрение» (1896 г.), Будилович не только высказал свой взгляд на историю славянских народов, но и обозначил политические приоритеты России в западных областях страны.

Ключевой вопрос, красной нитью проходящий через всю лекцию Будиловича: кому должны принадлежать западные области России, населенные поляками, латышами и эстонцами, — Германии или России? Для обоснования принадлежности указанных территорий России Будилович прибегает к методологии Ламанского, выделяя два противоположных друг другу с точки зрения культуры и политического развития мира — «романо-германский» и «греко-славянский», «срединный мир».

Критикуя популярных в России «западников» (Чаадаев, Герцен, Гра-

новский, Герье, Белинский, Пыпин), видевших в России и славянстве лишь придаток Европы, Будилович заявляет: «Бесспорным представляется и то учение славянофилов, по которому греко-славянство является столь же самобытным культурным миром, как Индия, Эллада, Европа» [3. — С. 143].

Будилович уверен, что европоцентричный взгляд на историю ошибочен, а разговоры об универсальной общечеловеческой культуре не имеют под собой никаких оснований. Каким же тогда условиям должна соответствовать культура, чтобы считаться «культурно-историческим типом», — задается он вопросом, и отвечает на него следующим образом: «Таковыми условиями должны, полагаю, быть: 1) существование особой, более или менее значительной территории, 2) наличность сильного и даровитого племени, 3) общность исторической школы, 4) присутствие особого просветительного начала, 5) благоприятное стечение обстоятельств для развития и расцвета народной образованности» [3. — С. 144].

Именно в своей совокупности греко-славянский мир и отвечает указанным

условиям. Для Будиловича, так же как и для Ламанского, критерии принадлежности к греко-славянскому миру отнюдь не ограничиваются территориальными границами, а включают в себя языковые, культурные и религиозные связи. Причем последним отводится особая роль [3. — С. 147].

Различие в культурно-исторических типах предопределяет и политические особенности развития народов, входящих в разные миры. «Столь же существенные различия мы заметим между политическими и общественными учреждениями Запада и Востока, развившимися там из комбинации идей западной империи и германского феодализма, здесь же из идей империи восточной и славянского демократизма» [3. — С. 148]. Идея империи нашла свое воплощение в центральном субстрате «греко-славянского мира» — России. Именно ей принадлежит ведущая роль в объединении отколовшихся ветвей греко-славянского мира, которые рискуют пасть под натиском «Drang nach Osten» и раствориться в немецком море. Здесь Будилович опять возвращается к мысли, высказанной в более ранних статьях, рассмотренных выше. Только культурное объединение под предводительством России способно сохранить национальную самобытность «инородцев» в общем греко-славянском мире. «Как не исчезает Волга от слияния с морем Каспийским, а Двина — с Балтийским или Белым» [3. — С. 158], так и каждый народ найдет свое культурное развитие и реализацию под покровительством России. Ключевую роль здесь должен сыграть русский язык и просвещение, а отнюдь не насильственное административное подчинение. Именно в распространении русского языка и русской культуры Будилович и видел свою основную задачу на посту ректора университета.

Подводя некоторые итоги, можно выделить несколько главных положений, выдвигаемых Будиловичем: 1) «начало народности» стало преоб-

ладающим элементом политической жизни современной ему эпохи. Поэтому лишь подняв знамя панславизма, объединив вокруг себя остальные славянские народы, Россия сможет занять полагающееся ей место среди великих держав; 2) в свою очередь, возрастающее влияние пангерманизма и усиление военной и промышленной мощи Германии не позволит славянским народам поодиночке противостоять новой угрозе. А исторические уроки прошлого доказывают, что поиск союза с другими государствами никогда не приносил должных результатов. Поэтому у славянства нет иного выбора как движение в сеторону взаимного объединения на федеративных началах под покровительством России; 3) способствовать этому объединению, по Будиловичу, должно распространение народного образования, литературная пропаганда, а в дальнейшем и введение общеславянского языка, каковым должен был стать русский язык; 4) любые попытки насильственного «русификаторства» приведут лишь к тому, что Россия сама подтолкнет славян и примыкающие к ним народы греко-славянского мира в руки Германии. Чтобы избежать подобного поворота событий, Будилович предлагает использовать культурную ассимиляцию с помощью просвещения, науки и искусства.

Взгляды Будиловича, изложенные в его работах, четко укладываются в культурную программу русского панславизма, ведущего свою линию от панславистской концепции В.И. Ламанского. Политические же цели Будиловичем практически игнорируются, формулируются лишь аморфные тезисы о возможном федеративном устройстве общего славянского государства. Однако в его работах по-прежнему сильна установка на непримиримые противоречия в «западном» и «восточном» мире, а также на особую геополитическую, «мессианскую» роль России в деле объединения славян. Данная черта показательна для представите-

лей культурного панславизма второй половины XIX в.

Именно слабость политической повестки, а также нежелание пересмотреть положения о политической роли России в славянском мире и идти на

компромисс, предопределили эволюцию взглядов панславистов в начале XX в. в сторону поиска новых путей интеграции славянских народов — прежде всего в экономике.

Литература

1. Андерсон К.М., Бойцова О.Ю., Горохов А.А., Зоткин А.А., Козилов И.А., Мартыненко Н.П., Мырикова А.В., Перевезенцев С.В., Прокудин Б.А., Пучнина О.Е., Чанышев А.А., Ширинянец А.А. Актуальные вопросы истории социально-политических учений и политической текстологии: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2016. — № 4. — С. 91–127.
2. Болдин В.А. Идеиные корни формирования нового славянского мировоззрения в начале XX в. // Вестник Российской нации. — 2017. — № 2. — С. 256–263.
3. Будилович А.С. Культурная отдельность народов греко-славянского мира // Будилович А.С. Славянское единство / Сост., предисл. и примеч. Ю.В. Климакова; отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2014. — С. 136–158.
4. Будилович А.С. Несколько замечаний о польском вопросе с точки зрения всеславяинства // Будилович А.С. Славянское единство / Сост., предисл. и примеч. Ю.В. Климакова / Отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 28–47.
5. Будилович А.С. Пангерманизм и панславизм // Будилович А.С. Славянское единство / Сост., предисл. и примеч. Ю.В. Климакова / Отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2014. — С.130–136.
6. «Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: 1871–1918 гг. — М.: Наука, 1977.
7. Иванов А.А. Будилович Антон Семёнович // Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917 / Сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов; отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. — С. 71–73.
8. Карский Е.Ф. Памяти А.С. Будиловича // Русский филологический вестник. — 1909. — № 1. — С. 149–161.
9. Климаков Ю.В. Предисловие // Будилович А.С. Славянское единство / Сост., предисл. и примеч. Ю.В. Климакова; отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2014. — С. 5–27.
10. Кулаковский П.А. А.С. Будилович (Некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. — 1909. Август. Новая серия. — Ч. XXII. — С. 100–125.
11. Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. — М.: Индик, 2005.
12. Никифорова О.А. «Для лучшего усвоения русского языка» // Родина. — 2011. — № 1. — С. 90–93.
13. Никифорова О.А. Образовательная и политическая деятельность А.С. Будиловича в Царстве Польском (1881–1892 гг.) // Славяноведение. — 2011. — № 3. — С. 90–97.
14. Прокудин Б.А. В.И. Ламанский о единстве славян // Вестник Российской нации. — 2016. — № 3. — С. 70–82.
15. Прокудин Б.А. Историософские и геополитические идеи В.И. Ламанского // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2013. — № 2. — С. 117–127.
16. Прокудин Б.А. Панславизм Ф.М. Достоевского // Английский язык на гуманитарных факультетах: Теория и практика. — Т. 8. — М.: МАКС Пресс, 2015. — С. 100–107.
17. Савино Д. Инородческие заговоры: поляки, евреи, немцы и украинцы в представлениях русских националистов начала XX века // Логос. — 2017. — № 4. — С. 65–87.
18. Смолин М.Б. Будилович Антон Семёнович // Святая Русь. Большая Энциклопедия русского народа. Русский патриотизм / Гл. ред., сост. О.А. Платонов, составитель А.Д. Степанов. — М.: Православное издательство «Энциклопедия русской цивилизации», 2003. — С. 106.
19. Суляк С.Г. А.С. Будилович и Карпатская Русь // Русин. — 2017. — № 2(48). — С. 166–181.

20. *Ширинянец А.А.* Ламанский Владимир Иванович // Русская философия: Энциклопедия. 2-е изд., дораб. и доп. / Под общ. ред. М.А. Маслина. — М.: Книжный клуб «Книговек», 2014. — С. 315–316.
21. *Ширинянец А.А.* Политическая текстология на кафедре истории социально-политических учений // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2016. — № 4. — С. 92–95.
22. *Ширинянец А.А., Гудков А.Д.* Политические портреты: Владимир Иванович Ламанский // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2001. — № 1. — С. 94–119.
23. *Ширинянец А.А.* Михаил Петрович Погодин // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2001. — № 4. — С. 60–81.
24. *Ширинянец А.А.* Русский хранитель: политический консерватизм М.П. Погодина. — М.: Русский миръ, 2008.
25. *Ширинянец А.А., Мырикова А.В.* Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века / Под ред. Ширинянца А.А., перевод на хорватский язык Сабина Фолнович. — М.: Издательский дом «Политическая мысль», 2010.
26. *Sandor K. Pan-Slavism* / Edited by A.F. Atzel. Astor Park: DanubianPress, 1981.